

ПРОЦЕСС РЕАЛЛОКАЦИИ РЕСУРСОВ И СИСТЕМА ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ

The goal of the article is to analyze a process of resource reallocation and a role of property rights as institution influencing restructuring of firms and economic sectors. In fact all institutions are «allocation mechanisms» that create incentives and transmit private information and provide allocation of economic activity across alternative modes of organization. Thus institutions provide decreasing of transaction costs and the property rights system is a key part of the resource reallocation mechanism. The process of enterprise restructuring is a particular case of resource reallocation.

Введение. Повышение эффективности развивающихся рыночную экономическую систему стран невозможно без создания многоуровневой системы стимулов для постоянной реструктуризации предприятий. Последовательные развитие и совершенствование структур управления и институциональной среды, включая институт государственного регулирования, должны стать основой эффективного институционального механизма реструктуризации предприятий как важного уровня экономической системы, обеспечивающей размещение ресурсов. Предметом анализа в данной статье является взаимосвязь процесса реаллокации ресурсов и прав собственности как основного института, обеспечивающего стимулы к производительному использованию ресурсов и эффективную передачу частных знаний.

Процесс аллокации и реаллокации ресурсов. Экономисты традиционно придают первоочередную важность эффективной аллокации ресурсов, теоретическая возможность которой достигается в соответствии с принципами теории благосостояния [1, с. 107]. Прежде всего, отметим, что экономический смысл англоязычного термина «аллокация» более точно передает слово «размещение», а не «распределение», как принято в большинстве переводов. Термин «распределение» имеет смысловой оттенок принятия централизованных решений об использовании ресурсов в рамках некоторого набора известных способов. Так, А. Алчиан и Г. Демсец [2] также отмечают искажение сути проблемы социального выбора при формулировании важнейших экономических решений общества в виде стандартных вопросов из учебников: какие товары производить? как произвести эти товары? кому достанется то, что произведено? Авторы подчеркивают, что «экономические организации по необходимости находят то или иное решение перечисленных проблем, но даже самое централизованное общество не конкретизирует и не может конкретизировать ответы на эти вопросы заранее и во всех деталях. Полезнее и ближе к истине рассматривать социальную систему как опирающуюся на методы, правила или обычаи разрешения конфликтов, возникающих в процессе использования редких ресурсов, чем вообразить, что об-

щество в состоянии заранее определить конкретные способы их использования» [2, с. 16].

Таким образом, термин «распределение ресурсов» также искажает суть экономических решений в процессе выбора способа использования ресурсов. В рыночной экономике данные альтернативные способы и лежащие в их основе знания выявляются в самом процессе рыночных отношений, где конкуренция выступает как Хайковская «процедура открытия» [3], приводящая к инновациям или осуществлению «новых комбинаций» [4]. Данные «рекомбинации», рассматриваемые на уровне отдельного предприятия, и отражают сущность процесса реструктуризации как отдельной компании, так и экономики в целом.

Напомним, что центральная теоретическая идея микроэкономики заключается в том, что при свободном обмене ресурсы перемещаются туда, где их использование является наиболее ценным. В этом случае принято считать, что аллокация ресурсов является эффективной по Парето, то есть в условиях существующих ограничений изменения в использовании ресурсов (их реаллокация) не могут привести к увеличению общего благосостояния [5, с. 31]. Таким образом, наличие условий «свободного обмена» служит гарантией достижения эффективности, и проблема реаллокации не имеет надлежащей остроты. Однако уже Ф. А. Хайек настаивал, что «экономическая проблема общества заключается главным образом в быстрой адаптации к изменениям» [6, с. 524], что выводит на первый план именно реаллокационные решения собственников ресурсов. Для подобной адаптации решающими являются процессы наблюдения, интерпретации и реагирования на изменения в информации. Поскольку значительная часть важной информации является уникальной и, следовательно, не может быть передана быстро и без издержек некоторому общему центру, то носители частных знаний должны иметь стимулы и полномочия на осуществление адаптационных решений и действий. В современной экономике, где в ходе углубления разделения труда происходит закономерная специализация функций управления (контроля) и собственности, носителями таких знаний являются не только собственники, но и

наемные менеджеры. Проблема стимулов становится еще более острой.

Можно предполагать, что в процессе осуществления изменений на предприятиях переходных экономик наибольшие стимулы для эффективного использования уникальных предпринимательских знаний возникнут при наличии «прав собственности» на прирост ценности бизнеса в результате реструктуризации. По сути, речь идет о праве менеджеров на вознаграждение в виде части прироста остаточного дохода. Другими словами, поставленная цель эффективной реструктуризации предприятий реализуется лишь в случае, если носители частных знаний имеют частные права собственности либо на активы предприятия (их часть), либо на часть прироста ценности данных активов. Система прав собственности, таким образом, является ключевым элементом экономического механизма реаллокации ресурсов, основой институционального механизма реструктуризации экономики.

Система прав собственности. Исследователи современного капитализма отмечают, что «из четырех основ современного богатства – прав собственности, научного реализма, быстрого доступа к капиталу, эффективного транспорта и коммуникаций – права собственности возникли ранее всего» [7, с. 52]. Тем не менее, хотя отдельные экономисты прошлого и уделяли внимание распределению собственности и ее влиянию на эффективность, однако систематических исследований не проводилось. Поэтому даже авторитетные работы по истории экономической мысли Й. Шумпетера и М. Блауга не содержали в предметных указателях терминов «собственность» и «права собственности». Концепция же прав собственности как систематический анализ экономических стимулов, порождаемых собственностью на редкие ресурсы, возникла только в 1960-е гг. [2, 8]. В то же время М. Перлман в предисловии к «Истории экономического анализа» Шумпетера приводит слова марксиста Р. Мика, который «считает, что предельный анализ отражает связь между людьми (производителями) и благами, в то время как более ранний классический анализ отражал связь между людьми (работниками) и собственниками» [9, с. хxi]. С точки зрения Мика, предельный анализ не позволяет рассматривать общественные отношения и процесс производства как более важные объекты анализа. Социальные отношения вновь стали детально изучать представители американского институционализма в начале XX века, а позднее отношения собственности стали предметом исследования новых институционалистов, активно разрабатывающих теорию прав собственности.

Система прав собственности, под которой мы понимаем множество экономических и социальных отношений, определяющих положение каждого индивида относительно использования ресурсов, начала становление в период зарождения экономических отношений по поводу ставших редкими ресурсов. Данный исторический процесс хорошо проиллюстрировал Л. фон Мизес: «Если у земли нет собственника, то, хотя с правовой точки зрения, ее можно назвать общественной собственностью, но ущерб от ее использования не принимается во внимание. Люди, имеющие возможность присвоить плоды – древесину и дичь лесов, рыбу водных пространств и минеральные ископаемые недр, не беспокоятся о последующих эффектах их способа эксплуатации. Для них эрозия почвы, истощение ограниченных ресурсов и прочие ухудшения будущего использования являются внешними издержками, которые не входят в калькуляцию затрат и выпуска. ...Когда эти эффекты проявляются в снижении чистых доходов, крестьяне бросают землю и перемещаются на новое место. Только когда страна заселяется более плотно и земля хорошего качества уже недоступна для присвоения, люди начинают рассматривать такие хищнические методы расточительными. С этого времени люди начали утверждать институт частной собственности на землю» [10, с. 656].

Право собственности – это право выбора способов использования экономического блага, соблюдение которого обеспечивается обществом. Частным является право собственности, которым обладает конкретный индивид и которое может быть отчуждено в обмен на соответствующие права на другие блага. Сила данного права измеряется вероятностью и издержками его реализации, которые зависят от правительства, неформальных общественных действий и преобладающих этических и моральных норм [11, с. 1031].

Законы определяют множество правоуставляющих форм, и они создают первоначальное распределение прав и обязательств. Анализ, проведенный Р. Коузом, позволяет сделать вывод, что если нет правовых или фактических препятствий для обмена, то динамика рынка определит окончательное эффективное распределение прав [8]. Передаваемость прав собственности в свободной экономике приводит к их наилучшему использованию путем реаллокации ресурсов, которая, как процесс перелива капитала и трудовых ресурсов, требует предварительного обмена пучками прав собственности. Окончательное распределение прав и есть эффективная равновесная аллокация. Однако данное равновесие является краткосрочным, и поэтому при рассмотрении процесса в динамике можно утверждать, что техниче-

ские и институциональные изменения будут постоянно требовать адаптации к ним текущего распределения прав собственности. В связи с этим важной задачей государства является создание и совершенствование институциональных условий, которые бы содействовали и снижали издержки на осуществление реаллокации прав собственности, уменьшали «трение» (транзакционные издержки) перемещения ресурсов. Фактически, сказанное выше и определяет содержание институционального механизма реструктуризации предприятий и экономики в целом.

Выделение С. Пейовичем трех элементов прав собственности (исключительность, передаваемость и конституционная гарантированность) [12] позволяет отчетливо увидеть их связь с реаллокационными решениями. Частные права собственности включают все перечисленные элементы, что позволяет им создавать стимулы, содействующие росту экономической эффективности. Исключительность права собственности означает, что собственник решает, что делать с активом, получает эффект от принятого решения и несет издержки. Следовательно, исключительность прав создает стимулы для собственника перемещать ресурсы в ставшие известными ему области применения, приносящие наибольшую ценность. Передаваемость собственности обеспечивает два взаимосвязанных стимула к эффективности. Выгоду добровольного обмена получают все стороны, значит, передача собственности способствует переходу ресурсов от способа использования с низкой ценностью к более продуктивному способу. Кроме того, передаваемость означает, что владелец имеет возможность выбора между получением единовременной ценности или потока доходов в течение всего продуктивного срока использования актива. Важным следствием данного выбора, который не предоставляют другие типы прав собственности, является возможность перегруппировки портфеля активов в соответствии с субъективным ощущением будущей ценности и отношением к риску. Наконец, конституционная гарантированность собственности устраняет предубеждения и опасения относительно решений, связанных с долгосрочным ожиданием прироста ценности [12, с. 90–91].

В этой связи важно понимать объективную ограниченность стимулов к эффективной реаллокации ресурсов, находящихся в государственной собственности, а также учитывать часто упускаемые из виду неявные издержки государственного регулирования. Явные издержки

включают непосредственные затраты на осуществление государственного регулирования, а эффективность традиционно измеряется соотношением полученных дополнительных эффектов и данных издержек. В то же время не учитывается разница между ценностью подлежащего и не подлежащего регулированию актива, права собственности на который являются более сильными. Вряд ли кто-либо будет спорить, что более сильные права являются более ценными, чем менее сильные, то есть в обмен на предлагаемое благо (например, деньги инвестора) будет запрашиваться большее количество блага, на которое установлены менее сильные права собственности (пакет акций предприятия в условиях сильного госрегулирования). Таким образом, необходимо признать, что «набор прав собственности на благо, которое является продуктом обмена, служит мерилем ценности блага; эта ценность не эквивалентна ценности такого же количества рассматриваемого блага, которое не находится в частной собственности»¹ [11, с. 1031]. Сказанное выше позволяет утверждать, что права собственности, отличные от частных, нарушают соответствие использования ресурсов их выявленной рыночной ценности [11, с. 1033].

Следует ожидать, что создание эффективных для общества институциональных механизмов будет встречать препятствия, подобные тем, которые описали К. Хофф и Дж. Стиглиц при моделировании ситуаций, когда массовая приватизация не эффективна [14]. К этому же типу барьеров относится ситуация «институциональной ловушки» – неэффективного, но устойчивого состояния экономики по причине отсутствия сильных рыночных институтов [15, 16]. Поэтому основой государственного регулирования в переходных экономиках должна стать активизация конкурентных механизмов реаллокации прав собственности как необходимое условие эффективной реструктуризации экономики.

Институциональный механизм обуславливает и активизирует реструктуризацию, стимулирует ее эффективность, и его действие носит как межорганизационный или межотраслевой характер (реаллокация ресурсов к более эффективному собственнику), так и внутриорганизационный (реаллокация ресурсов между продуктами, видами деятельности или подразделениями одного предприятия). Ранее, вслед за Д. Рикардо и К. Марксом, мы отмечали [16], что в основе процесса реаллокации ресурсов лежит процесс перелива капитала. В долгосрочной перспективе весь капитал является мобильным.

¹ Следует отметить, что переехавший в Петербург профессор Гори-Гореского земледельческого института Ю. Э. Янсон еще 1860-х гг. настаивал, что «обменимость (обмениваемость – *B. V.*) является необходимым условием ценности» [13, с. 12].

В краткосрочном периоде перелив капитала происходит при принятии инвестиционных решений, и его отражает относительное распределение инвестиций по видам деятельности, а внутри предприятия – конкурентное привлечение инвестиций подразделениями. В общем случае реструктуризация – это реаллокация любых экономических ресурсов, однако мы рассматриваем, прежде всего, реаллокацию факторов производства, предполагая ее инициированной изменением спроса, технологий, институтов.

Заключение. Проведенный выше анализ позволяет заключить, что задачу эффективной реструктуризации предприятий нельзя решить без совершенствования институциональных механизмов передаваемости прав собственности – т. е. развития системы частных прав собственности через разгосударствление и приватизацию, а также пересмотр процедур государственного и правового регулирования. Подтверждением данного вывода являются прагматичные шаги в сторону дерегулирования в Беларуси с начала 2009 г. – усиление частных прав собственности позволяет реализовать неиспользуемые ранее резервы ценности ресурсов путем отмены отдельных норм регулирования и создания стимулов для расширения предпринимательской деятельности.

Литература

1. Reiter, S. Efficient allocation / S. Reiter // *The new Palgrave: a dictionary of economics: in 4 vol.* / ed. by J. Eatwell, M. Milgate, P. Newman. – London: Macmillan, 2004. – Vol. II. – P. 107–120.
2. Alchian, A. The property right paradigm / A. Alchian, H. Demsetz // *The journal of economic history.* – Vol. 33, № 1. – 1973. – P. 16–27.
3. Hayek, F. A. Competition as a discovery procedure / F. A. Hayek // *The quarterly journal of austrian economics.* – Vol. 5, № 3. – 2002. – P. 9–23.
4. Schumpeter, J. A. The theory of economic development: An inquiry into profits, capital, credit, interest and the business cycle / J. A. Schumpeter. – Piscataway: Transaction Publishers. – 1982. – lxiv, 255 p.
5. Валетка, У. У. Роля інстытутаў у працэсе рэструктурызацыі прадпрыемстваў і галінаў эканомікі Беларусі / У. У. Валетка // *Труды БГТУ. Сер. VII, Экономика и управление.* – Минск, 2008. – Вып. XVI. – С. 31–35.
6. Hayek, F. A. The use of knowledge in society / F. A. Hayek // *American economic review.* – 1945. – Vol. 35, № 4. – P. 519–530.
7. Bernstein, W. J. The birth of plenty: How the prosperity of the modern world was created / W. J. Bernstein. – New York: McGraw-Hill, 2004. – xii, 420 p.
8. Coase R. H. The problem of social cost / R. H. Coase // *Journal of law and economics.* – 1960. – Vol. 3, October. – P. 1–44.
9. Schumpeter, J. A. History of economic analysis / J. A. Schumpeter. – New York: Taylor & Francis, 2006. – xxxviii, 1283 p.
10. Mises, L. Human action: a treatise on economics / L. Mises. – 4th rev. ed. – San Francisco: Fox & Wilkes, 1996. – xix, 906 p.
11. Alchian, A. Property rights / A. Alchian // *The new Palgrave: a dictionary of economics: in 4 vol.* / ed. by J. Eatwell, M. Milgate, P. Newman. – London: Macmillan, 2004. – Vol. III. – P. 1031–1034.
12. Янсон Ю. Э. Краткий курс политической экономии. Пособие для слушающих лекции по этому предмету / Ю. Э. Янсон. – СПб., 1865/1866. – Вып. 1, 2. – 321 с.
13. Pejovich, S. Law, informal rules and economic performance: The case for common law / S. Pejovich. – Northampton: Edward Elgar, 2008. – xi, 178 p.
14. Hoff, K. After the Big Bang? Obstacles to the emergence of the rule of law in post-communist societies / K. Hoff, J. E. Stiglitz // *American economic review.* – Vol. 94, № 3. – 2004. – P. 753–763.
15. Валетка, В. В. Реструктуризация промышленности Республики Беларусь в трансформационный период: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / В. В. Валетка. – Минск, 2002. – 190 л.
16. Valetka, U. Institutional barriers for industrial restructuring / U. Valetka // *The geopolitical aspects of the transformation process in Central and East-Central Europe* / ed. by T. Michalski. – Gdynia; Pelplin: Bernardinum, 2006. – P. 197–209.